

УДК 316.3

Канифатов Александр Сергеевич

кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
a.kanifatov@mail.ru

Рогов Илья Игоревич

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии,
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
rogov.skags@narod.ru

Alexander S. Kanifatov

Candidate of Sociological Sciences, Docent of Chair of public administration and
municipal management, South-Russia Institute of Administration – the branch of
the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service
a.kanifatov@mail.ru

Илья И. Рогов

Candidate of Philosophy, Docent of Chair of of sociology,
South-Russia Institute of Administration – the branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Service
rogov.skags@narod.ru

Имперское пространство как способ организации социума

Imperial space as a way of organizing society

Аннотация. В статье предпринимается попытка преодолеть проблему концептуализации империи как идеи и империи, как структуры. Раскрывается понимание термина «империя» в контексте макросоциальной реальности. Авторы статьи уделяют внимание организации имперского пространства, выявляя формы развития имперской идеи сквозь призму социального процесса и анализируя различные проявления конкретных империй. Также рассмотрен вопрос о наличии имперского центра и его функций, где сама империя видится непосредственно как явление в равной степени историческое и современное.

Ключевые слова: империя, пространство, социум, социальная структура, организация, центр, регион, государство, буферные государства, лимитрофные зоны.

Annotation. The article attempts to overcome the problem of conceptualizing an empire as an idea and an empire as a structure. The understanding of the term “empire” in the context of macrosocial reality is revealed. The authors of the article pay attention to the organization of the imperial space, identifying the forms of development of the imperial idea through

the prism of the social process and analyzing the various manifestations of specific empires. The issue of the presence of the imperial center and its functions, where the empire itself is seen directly as a phenomenon equally historical and modern, is also considered.

Keywords: *empire, space, society, social structure, organization, centre, region, state, buffer states, limitrophic zones.*

В конкретно-историческом аспекте, равно как и с позиций социальной философии, предпринимаются неоднократные попытки рассмотрения вопросов непосредственной концептуализации империи как идеи и империи как структуры.

Соответственно, империя есть одна из возможных форм организации пространства.

Вполне определено, «империя» и начиналась как кратологическое явление: в Древнем Риме “*imperium*” обозначало «высшую государственную власть, принадлежащую народу и проявлявшую эту власть на выборах, в законодательстве, в верховном суде, решении вопросов войны и мира» [1]. В современной коммуникации “*imperium*” может быть переведена и как «законная власть» и «суверенное право». Так понятая империя была не просто разновидностью государственной власти, но некоей чрезвычайной её ипостасью.

В наши дни мировой гегемон – Империя Добра – в своём названии не несёт ничего, что бы указывало на её имперское содержание, но у некоторых из внешних наблюдателей всё ещё возникают на этот счёт иллюзии.

Это стало следствием почти безраздельного влияния в американской политике идей неоконсерваторов. Теоретики этого направления, отталкиваясь от рейгановской формулы «СССР – империя зла», предложили симметричный проект: «США – „империя добра“» [2].

Однако следует различать формальную организацию имперского пространства, проводимую региональную политику и историю приобретения земель. Империя Добра, обладает территориями с различной исторической судьбой. Некоторые земли были отвоёваны у государств (Испании и Мексики), другие – захвачены у племенных образований (центральноамериканских индейцев), есть и прецедент покупки (Аляска). Но вне зависимости от характера приобретения, официальный статус субъектов федерации одинаков. Формально, иерархия империи состоит лишь из двух элементов: федеральный столичный округ и множество равных в правах штатов. Этим Империя Добра разительно отличается от всех своих предшественниц. Любая исторические коллизии теряют свой смысл после вхождения в эту структуру. Что же до проводимой внутренней политики – налоговой, избирательной, законодательной и т.д., то ни в империи, ни в любом ином государстве она не может быть идентична для различных регионов и потому рассуждать о ней как о критерии для фиксирования имперских механизмов мы не будем.

Таким образом, Империя Добра выглядит исключением из общего правила во внутренней организации своих территорий, представляя, видимо, новый вид империй демократического толка.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что весьма актуальным является вопрос наличия имперского центра и его функций.

Исследования структурных функционалистов, таких, как Эдвард Шилз [3], обогатили социальную теорию выделением в диаде центра и периферии следующих функций.

Во-первых, обеспечение социальной и политической устойчивости системы как самоценного процесса.

Во-вторых, создание единства жизнедеятельности таких форм социального, как этнические сообщества, гендерные группы и т.д.

В-третьих, формирование исторической и культурной преемственности контролируемого общества.

Следует отдавать себе отчёт в том, что перечисленное – не свойство исключительно центра, но процесс взаимодействия его с периферией, которая, в случае ослабления первого может сама приобрести функции центральной власти. Хотя наиболее характерные примеры такой миграции мы можем обнаружить в феодальных, полисных организациях и на том состоянии мировой системы, когда она характеризуется нестабильностью, структурно-функциональная теория применима и в контексте нашего предмета обсуждения. В имперских организациях миграция административных и властных органов происходит только в случае определённого кризиса или как смена идеологической ориентации.

Хотя в основании процесса миграции административного центра, процесса смены столиц, лежат социальные причины, обусловлен он географическими и геополитическими возможностями империи. Структура колониальных империй такова, что миграция столиц невозможна, но в ней и не возникает особой необходимости. Из истории мы знаем, что метрополия как особый вид территории, могла представлять внутри империи отдельное королевство (как Англия), или, даже республику (как Франция). Вследствие этого дисбаланс социального и геополитического луча центр-периферия приводил к конфликтам на периферии. Но центр в империи – не только столица. Он ещё и место пребывания главы государства. А из той же истории мы знаем, что во время вторжения Наполеона на Пиренеи, португальское королевское семейство переехало в изгнание в Бразилию, самую важную из португальских колоний. Таким образом, в период кризиса в колониальных империях не меняются столицы, но изменяется место пребывания монарха как персонификации центральной власти. Будучи составленной из независимых в прошлом государств, каждое со своей исторической столицей, колониальная империя обладает стольким количеством потенциальных столиц, сколько включено в её состав административных единиц.

Континентальным империям история уготовила иную судьбу. Поскольку границы их метрополий более подвижны, столица может быть сменена по совершенно различным причинам, главными из которых следует

назвать смену династии (и окружающей её элиты), изменение идеологической ориентации и административный кризис (кризис управления). Первый случай имел место в древнеперсидской империи, второй – в Российской, а третий в Риме эпохи Диоклетиана.

В номадических политических образованиях (империях кочевников) [4] центр непосредственно воплощён в личности Великого Хана, и его ставке. Поэтому серьёзно рассуждать о столице как абсолютной величине в административной организации несколько опрометчиво. Как социальные причины (союз кочевых племён, не знающих административно-обязующих границ), так и геополитические (ландшафт Великой Степи, плавно переходящий в соседние климатические зоны), обуславливают перманентную миграцию номадического центра, причём именно её постоянность есть одно из условий легитимации.

Список причин переноса столиц будет не полон, если не упомянуть ещё две причины: транспортный коллапс и сознательную автаркию политических институтов от делового центра. Эти два случая внешне выступают как зеркальные отражения друг друга: первый имеет место в традиционных обществах с авторитарной системой, тогда как второй свойственен демократическим обществам Нового Времени. Впрочем, попытки перенести высшую политическую власть их центрального города на периферию предпринимались всегда: достаточно вспомнить Диоклетиана, Тиберию, Ивана Грозного и прочих правителей древности. Но в каждом из подобных случаев мы видим пример частного произвола; административно-закреплённую автаркию столицы от бизнес центров мы обнаруживаем только за последние две-три сотни лет.

Между тем, провинции, суть неотъемлемая часть империи, структурно более важная, нежели центр. Парадоксально, но без явно выраженной метрополии империя может существовать. Священная Римская после того, как земля Лотаря потеряла свои первоначальные очертания вполне обходилась без центральной земли – и в древнеримском, и в колониальном смысле слова. Очертания метрополии Российской империи варьировались с течением веков: постепенно в неё была включена бывшая колония – Сибирь, а после распада Союза многие земли, прежде воспринимавшиеся как центральные, оказались за рубежом. Киев – мать городов русских, стал столицей иностранного государства. Были попытки, хотя и неудачные, включить в состав французской метрополии Алжир.

Примеры взаимоперетекания метрополии в периферию и назад можно продолжать. В любом случае, не границы метрополии определяют административную структуру империи, а антитеза с провинциями. Это как понятие политического Карла Шмидта [5]: «мы-они». Только в территориально-управленческой структуре империй. Если нет провинций с их спецификой, с их латентными конфликтами, с их исторической подозрительностью друг к другу – то какая же это империя? Перед нами либо геополитическое поле борьбы за имперское наследство, заполненное воюющими друг с другом клиентельными государствами, либо дурная

бесконечность унитарного государства. Схожая мысль прослеживается уже у А.Дж. Тойнби [6]: провинции в его концепции выполняют функцию охранения универсального государства.

“Provincia” – в Римской империи так назывались подвластные Риму территории, находящиеся вне Апеннинского полуострова и управлявшиеся римскими наместниками, то есть иностранные территории.

Буквально, «provincia», судя по всему, происходит от латинских слов pro- («от имени») и vincere («брать управление над»).

Вся империя была поделена на провинции, которые управлялись сенатом или самим императором. Э. Гиббон [7] и Т. Моммзен [8] отмечают, что первые несколько столетий Рим относился к ним как к колониям. Но с течением веков разница между значимостью Апеннинского полуострова и остальными землями стёрлась, и столица после Диоклетиана была продублирована; в результате чего слово это постепенно стало обозначать периферийный по отношению к центру район.

Последующие империи заимствовали это понятие наряду с другими. В империи Романовых термин «провинция» во второй половине XVIII века даже входил в официальный лексикон, обозначая административно-территориальную единицу. Но сейчас более важно не это. Э. Гиббон и Т. Моммзен обратили внимание, что характер первоначальной административной политики Рима к своим провинциям был таков, что в XVIII-XIX веках его назвали бы «колониальным». Абстрагируясь от проведения параллелей между древностью и Новым Временем, скажем, что провинцией может быть и колония. Или, точнее, административный статус имперских провинций может соответствовать обыденному смыслу – периферия, но ряд провинций могут быть управляемы колониальным образом.

Из истории мы знаем, что административные центры империй либо превращаются в таковые из столиц княжеств, осуществивших экспансию, либо устанавливаются на вновь завоёванной территории для удержания последней. Вообще же миграция столиц - показательный во многом процесс. В нём выражаются, во-первых, геополитические претензии – как в отношении недавно покорённой территории, так и в направлении стратегических перспектив (форпостов, организации узловых точек и т.п.), а во-вторых, перенос столицы может быть связан со сменой политического режима (или династии) и последовательно изменившейся идеологией. Наконец, такая миграция может быть вызвана экономико-хозяйственными причинами, а проще говоря, урбанизационным, транспортным коллапсом имперской столицы. Но в любом случае, перенос властного центра связан с огромным символическим пластом и сохраняется в исторической памяти как статусный маркер новой власти.

Геополитический контекст большого пространства более-менее ясен. А как с наличием или отсутствием социального смысла? Этот вопрос был исследован отечественным социологом А.Ф. Филипповым [9]. Контекст его рассуждений сводится к нивелированию отдельного социального элемента в

этом пространстве и как статичность времени. И если с первым суждением можно согласиться, то последнее вызывает большие сомнения. Утверждать, что в «империи ничего не меняется», значит противоречить фактам истории: большая часть полноценных империй распались в результате перенапряжения сил, объектом которых были неадекватно оцененные пределы Большого Пространства. Учитывая то, что в империях, как и в любых политических системах, имеют место как центробежные, так и центростремительные тенденции, смело можно утверждать, что социальное время в империях динамично.

С точки зрения Ш. Эйзенштадта [10], движение общества к территориальным границам одновременно обозначает и движение к социальным пределам системы, достигаемое использованием идеологии, власти, и материальных ресурсов. Поскольку поддержание социальной структуры империй требует высокого уровня дифференцирования, перед политическими элитами постоянно вырисовывается задача обладания новыми территориями, более широкими социальными целями, способными увеличивать дифференциальный потенциал.

Что же располагается за внешним кольцом? Orbus Terrarium, разумеется. Неизведанная, варварская, недемократическая периферия. Нуждающаяся в пастырской руке. Внешняя политика в отношении Orbus Terrarium имеет один существенный недостаток: как бы продуманно не действовали имперские элиты, ничто не в состоянии остановить рост противоборствующих центров силы и всякое стабилизирующее действие подстёгивает вождей варварских племён к созданию оборонительных военных союзов. Империя слишком громадна, чтобы рассчитывать на отсутствие сопротивления.

Рассматривая в своей известной концепции «вызовов-ответов» различные межцивилизационные взаимодействия, А.Дж. Тойнби выделял в них стимул внешних ударов и стимул перманентного давления, последний из которых предполагает выделение в цивилизационной массе «форпосты» и «тылы» [11]. В истории Западной Европы он находит шесть принципиальных форпостов против:

- 1) континентальных европейских варваров;
- 2) Московии;
- 3) Оттоманской империи;
- 4) дальнезападного христианства Британских островов;
- 5) Викингов Скандинавии;
- 6) сирийского мира на Иберийском полуострове.

Давление на эти зоны обеспечивало, по мысли А.Дж. Тойнби, сплочённость католического мира. Мы же, переходя от цивилизационных очертаний к реалиям имперского пространства, будем рассматривать форпосты как узловые точки пересечения имперской границы с Orbus Terrarium.

Форпосты – суть территории-проливы, через которые развивающаяся империя осуществляет свою экспансию, а обороняющаяся проводит

мониторинг лояльности варварской периферии путём торговли, культурного обмена и т.п.

Понятно, что форпосты могут располагаться и в самом Большом Пространстве, и за его пределами, и в промежуточных территориях. Размышляя о соотношении форпостов и всей протяжённости Большого Пространства, следует точно фиксировать, что мы понимаем под форпостами. Если мы оцениваем происходящее с позиций длительной исторической перспективы, и идентифицируем это понятие этническим или цивилизационным сопротивлением, то логично предположить, что всё Большое Пространство состоит из форпостов, перетекающих друг в друга. Но при временном приближении, не превышающем одного столетия форпосты превращаются в узловые геополитические точки, фиксирующие пределы внешнего кольца имперского влияния.

Вместе с тем, имперское пространство предполагает и механизм неэквивалентного обмена.

Рассмотрев структурные элементы имперской системы, мы можем обозначить контуры методики, роднящей империю с остальными типами государств, но с характерной спецификой социально-политической структуры. Предпосылки неэквивалентного обмена очевидны: различный экономический, культурный уровень как центра и периферии, так и различных периферий.

Номадические империи, опережая осёдлые цивилизации в организации военного дела, испытывали потребность в высокопрофессиональных ремесленниках, т.н. производителей бытовой техники, как сказали бы в наше время. Отсутствие естественных границ внутри самой Великой Степи можно назвать второй причиной того, что основными субъектами-участниками неэквивалентного обмена являлись не регионы, но люди, социальные группы.

В континентальных империях-гегемониях вопрос стоял в контексте унификации ценностного уровня различных регионов. Утверждать, что метрополия превосходила периферию в культурном уровне, будет опрометчиво, но и утверждать обратное так же нельзя. Чешские земли в период Австро-Венгерского владычества выглядели более зажиточно, нежели австрийские, а Закавказье и Прибалтика при коммунистах искусственно были подняты на недостижимый для РСФСР жизненный уровень.

Для континентальной империи механизм неэквивалентного обмена – не столько отчисление налогов в федеральную казну, сколько процесс создания баланса между регионами.

Колониальные империи Запада разработали, естественно, и в силу исторической необходимости, многоуровневую систему механизма неэквивалентного обмена. По сути, она являла собой тот же принцип балансирования между центром и регионами, но на более высоком качественном уровне. Анализируя морскую колониальную структуру из глубины континентальных масс, легко рассуждать о том, что механизм

управления облегчён тем, что субъекты периферии (колонии) разбросаны по континентам и не требуют себе равноправных условий; имперские управленцы вынуждены выстраивать неповторимую властную вертикаль в каждом из своих регионов.

Далее отметим буферные государства и лимитрофные зоны, напрямую связанные с социальным контекстом имперского пространства.

Как мы видели из истории, континентальные империи стремились окружать себя различными политическим буферами. Дабы повысить свою жизнеспособность. Так возникали и, даже длительно существовали, клиентельные государства. Но это в том случае, если подобное политическое образование создавалось искусственно. История же знает примеры естественно-сформировавшихся зон, занимающих промежуточное положение между центрами силы, которые именуются лимитрофными зонами и территориями-проливами.

Но как объяснить происхождение этих участков политического пространства? Почему одни земли являют собой центры силы, другие – их периферию, а третьи – ничейную полосу?

Лимитроф как понятие появился в Риме и обозначал приграничную полосу, на которой стояли имперские легионы, но свой современный смысл получил относительно недавно – после Первой мировой войны и развала Российской империи и после «холодной» войны и развала Советского Союза. Этим термином обозначают все малые государства, располагающиеся между Россией и Центральной Европой.

В.Л. Цымбурскому принадлежит акт модернизации этого понятия как территории «геополитически нестабильных пространств между цивилизационными платформами» [12]. Его теория «Великого лимитрофа» отстаивает идею отделения этнического и геополитического ядра России от сопредельных цивилизаций, которое, так ограниченное, предстаёт как бы громадным островом внутри континентальной массы.

Обобщая, будем называть лимитрофом территорию постимперского пространства, характеризующуюся пересечением этнических, цивилизационных и силовых полей. Существуют и другие терминологические обозначения этой реальности – например, «пояс рассыпавшихся осколков» в терминологии современного геополитика С. Козна. Но сути дела это не меняет. Постимперское пространство как таковое, может характеризоваться зоной неопределённости, где разворачивается борьба за имперское наследство.

Но великий лимитроф не упирается на Западе в монолитное политическое образование. Наоборот, он плавно перетекает в другое постимперское поле – осколки Австро-Венгерской империи, образуя в совокупности обширную территорию, называемую «регион-ворота».

«Регион-ворота» – страны, находящиеся между Балтийским и Чёрным морями – наследие Речи Посполитой, Великого княжества Литовского, империи Габсбургов и Российской империи. Территории эти, потенциальный резервуар проблем и вакуума власти традиционно были буфером между

империей Карла Великого и Гардарики, между Священной Римской империей и Золотой Ордой, а позже стали камнем преткновения между Габсбургами, Блистательной Портой и Россией. Временами «ничейная земля» исчезала, будучи поделённой между договорившимися соперниками. Временами, как в наши дни, она разрасталась до значительных размеров.

Одна из причин нестабильности региона определяется следующим: цивилизационная идентификация народов, проживающих в этом регионе не связана ни с одной из имевшихся имперских столиц.

Помимо этого следует помнить, что все народы, населяющие данное пространство, примерно равны по численности друг другу и потому завоевательная схема возникновения империи была исключена. Даже Польша, почти достигнув желаемого в 1612 году, проиграла в длительной исторической хватке. Отсутствие монолитного цивилизационного, и, как следствие, политического поля обрекает данный регион на полузависимое существование. Как бы неполиткорректно не звучала бы следующая мысль, но отсутствие в регионе доминирующего этноса ведёт к внешней зависимости, колонизации, а в периоды кризисов международной системы – к войнам за имперское наследство, которые, как правило, проходят не в центре метрополии, а как раз в буферных и лимитрофных территориях. И реализм говорит нам, что монолитное этническое и культурное поле стабилизируют регион, а множество малых народов ведут к перманентной нестабильности, даже, если конфликты кажутся замороженными навеки.

Наблюдая историю «регион-ворота» в ретроспективе последних тысячи лет, мы можем заметить прослеживающийся исторический факт в своем своеобразии: всякий, кто обладает этим регионом, получает значительное усиление в давлении на своего соперника. Безотносительно, это Запад, Восток или Юг. Этот факт есть азбучная истина геополитики, согласно которой, доминирование в Центральной Европе невозможно без обладания тем, что выше было обозначено как «регион-ворота». Но тот, кто им обладает, теряет свои силы пропорционально времени обладания. При отсутствии регионального лидера любые политические силы, растрачивающие ресурсы на удержание этого региона, вместо того, чтобы инвестировать эти же ресурсы в собственную инфраструктуру, становятся уязвимы в иных местах.

Империя – не только политическая система и не только иерархия. Она в первую очередь макросоциальная реальность, суть цивилизация. Ещё А.Дж. Тойнби отмечал, что такие социальные действия как расширение границ, пополнение рабочей силы и ассимиляция соседних варваров – свойственны любым общественным системам; меняются лишь их формы. Империя же подводит под них свою материально-техническую базу и преобразует из хаотической формы в структурно-организованную. Мы уже отмечали, и повторим вновь, что империя полагает себя центром мира. Её население рассматривает народы со схожим социальным строем и политическим режимом как более цивилизованные, а государства-сателлиты как приобщённые к высшим ценностям. Формируется жёсткая взаимосвязь:

цивилизационные ценности – абсолютны; универсальность имперской структуры – надёжный гарант их распространения.

Цивилизации, на пути своего развития, могут быть порабощены соседями и жизненный путь народов, составляющих их человеческий материал, трагически оборвётся. Но если всё же жизненных сил суперэтноса хватит на путь культурной, религиозной, экономической экспансии, на стремление к универсальности, в таком развитии обязательно наступит этап институализации основных социальных процессов, в том числе и политических. Из истории мы знаем, насколько закономерно появление политического государства, которое вносит свою лепту в развитие универсалистских тенденций: часто не только структурирует, но и подчиняет.

Любая цивилизация или суперэтнос, продемонстрировавшие свою причастность к истории, самодостаточность и эффективность, неизбежно обнаруживают в себе стремление к пространственной экспансии. А поскольку последняя невозможна без скрепляющей великой идеи, то поднимается на щит какое-нибудь религиозное учение (а в три последних столетия идеология, претендующая на научность), и империя появляется на свет. Возможно, постепенно. Возможно, кратковременно. Тысячи случайностей, миллионы разнонаправленных интересов влияют на успешность и длительность последней. Но стабильная, полноценная империя всегда есть институциональное выражение цивилизационных устремлений пассионарно заряженного суперэтноса.

Религиозное учение – основа большинства исторических империй. Его можно обнаружить в основе любого имперского мифа (идеологии). Оно же составляет костяк имперской цивилизации и проводимой культурной экспансии.

А на чём основывается религия? Понятно, на постулатах веры.

Таким образом, истинное основание имперской цивилизации – вера в неё, для которой религия играет роль оболочки. Пролетарский интернационализм советской империи и космополитизм Империи Добра так же покоятся на вере в абсолютное идеологическое и моральное превосходство, что и объединяет эти империи с их ранними предшественниками. Само собой, с экуменистическими, секуляризационными и схожими наслоениями последнего столетия.

Универсалистские тенденции цивилизации, помноженные на чувство власти, централизацию её политической ипостаси, дают сверхгосударство, универсальное государство – империю, а «империя – государственно-территориальная форма цивилизации... в империи государство дорастает до цивилизации» [13]. Эти слова – наиболее компактная формулировка позиций отечественной школы в данном вопросе.

Именно в двух абстрактных понятиях – цивилизационные ценности и имперская структура – выражаются современным социальным лексиконом убеждения более древние, нежели терминология политической философии.

Империя, претендуя на универсальность, позиционирует себя как стержень мировой политической системы, своим существованием обеспечивающий его функционирование.

Жан-Франсуа Тириар, бельгийский представитель идеологии «Третьего пути» или «Третьей позиции», осмысливая развитие геополитической динамики, сформулировал свои наблюдения в законе пространственной прогрессии, согласно которому географическая динамика политической истории неумолимо ведет к увеличению масштабов минимальных социальных образований, то есть «от государств-городов через государства-территории к государствам континентам» [14, с. 135].

Другое дело, что все эти претензии, как правило, только осложняют жизнь. Империя хороша, пока она доминирует в регионе. Претензия на абсолютную гегемонию убивает империю. Но в качестве институциональной формы локальной цивилизации империя действительно предстаёт универсальным государством.

В литературе существует достаточно сильная традиция, рассматривающая империю как институциональную форму развития цивилизации; споры ведутся о том, какому этапу цивилизационного развития соответствует политическая система империи. Наиболее яркие представители такой интерпретации – А.Дж. Тойнби и Ш. Эйзенштадт. Но если первый ассоциирует империю с фазой распада, то второй не так категоричен: израильскому исследователю важно показать трансформацию бюрократических систем, историческая форма которых есть империя. При этом А.Дж. Тойнби рассматривает универсальные государства и вселенские церкви как наиболее сложные формы развития социального, тогда как Ш. Эйзенштадт концентрируется на процессуальных функциях империй.

Рассуждая о судьбах империи и цивилизации, следует помнить о том, что в некоторых случаях империи наследовали цивилизацию, придавая ей законченную институциональную форму, а в некоторых – создавали. Безусловно, не на пустом месте. Империя как социальная организация в принципе не в состоянии осуществить такой процесс. Но преобразовать своё, а зачастую чужое культурное наследие в новую форму – вполне в духе имперских агентов. Римская, Византийская и Российская империи могут рассматриваться как образцово-показательные примеры такой судьбы. Из всех полноценных империй, лишь Империя Добра создала собственную, неповторимую цивилизацию с минимальным заимствованием наследия предков и эта космополитическая, потребительская цивилизация доминировала в XX веке, одержав победу в конкурентной борьбе и с социалистическими идеями, и с консервативными.

Каждая полноценная империя – суть цивилизация. Но не все из них осуществляют цивилизаторскую политику. Империя, как и любое иное социальное образование, может быть цивилизацией для себя. Потому, основной вопрос культурных форм социального (имперской цивилизации) состоит в её направленности. Одним словом, «просвещать или не просвещать?». Как ни странно, но ответ на этот вопрос лежит в культурном

преломлении понятия политического – дихотомии «мы-они». Наличие миссионерской политики определялось той формой социального, по отношению к которой выстраивалась собственная идентичность.

Без сомнения, нельзя однозначно утверждать, что одни империи только и служили делу ассимиляции варваров в своё культурное поле, а другие – исключительно истребляли. Два фактора – комплиментарность имперообразующего этноса с аборигенными и мифы, разделяемые центральными элитами определяли векторы цивилизационной экспансии и степень её воинственности. Упростив, можно сказать, что Рим, Россия и Китай традиционно стремились к ассимиляции, англосакские империи держались отчужденно по отношению к аборигенам, а Священная Римская империя и Византия держались на «нулевой отметке» в вопросах миссионерства.

Социал-дарвинизм и протестантский фанатизм, победившие в сознании англосаксонских элит, предопределили дистанцирование от завоеванных народов, которые рассматривались как вызов чистоте крови, цвету кожи, а, следовательно, и чистоте веры. Дихотомия «мы-они» выразилась в англосаксонской имперской идее именно в такой форме. Но средневековая Англия ещё не знала столь сложных противопоставлений. Генрих II строил свою империю (пусть и неудавшуюся) на совершенно иных основаниях.

Китайцы на протяжении веков ассимилировали как покорённые народы, так и завоевателей, покоривших сам Китай. Тот, кто был в состоянии усвоить китайские традиции и культуру, мог быть даже включён в имперскую бюрократию; и то же следует сказать о Риме.

Соответственно, цивилизаторская политика империй, основанных на ощущении собственной неповторимости, кардинально отличалась от политики империй, основанных на потребности в просвещении, пусть даже и неостребованном *Orbis Terrarium*. Потому первые можно назвать *цивилизациями в-себе-и-для-себя*, а вторые – *цивилизациями для Другого*.

Кроме того, существовала небольшая прослойка империй, по различным причинам не относящихся ни к одной из указанных категорий. Имперская экспансия – прежде всего, вопрос контроля за коммуникациями. А миссионерская её форма – контроль за аутентичным исполнением основ веры, имперской идеи и т.п. Средневековые империи Европы обладали ограниченными ресурсами и боролись с собственными ересями. Потому цивилизаторская миссия Священной Римской империи и Византии, в общем-то, невелика. Она, конечно, проявлялась: Константинополь направлял миссионеров на север, а Оттоны и Гегнштауфены пытались обратить в христианство Святую землю, но их успехи следует скорее отнести к доброй воле аборигенных народов, нежели к привлекательности имперского мифа.

Цивилизационная парадигма исторического развития оказала настолько сильное влияние на современную социальную мысль, что даже в геополитических словарях-справочниках можно встретить такое понятие, как государство-цивилизация [14, с. 32].

Исходя из сказанного, государство-цивилизация — наиболее эффективная форма противостояния глобальным вызовам и угрозам в современном мире. Крупнейшие полюса экономического и технологического развития представлены аналогичными образованиями — Объединенная Европа, Соединенные Штаты и Китай. Классическим государством-цивилизацией является Китай, где в основном совпадают политические, социокультурные и конфессиональные границы. Объединенная Европа ассоциируется с историческим ядром западноевропейской цивилизации. Американская цивилизация осознается таковой по своим масштабам воздействия на окружающий мир (военно-политическая, экономическая, культурная и информационная экспансия). Государством-цивилизацией был распавшийся на национальные образования Советский Союз.

Фактически, империи, принадлежат к классу государств, но, не являясь идеальными государствами, подчиняются всем условностям, с которыми призвано мириться любое государство и, одновременно, демонстрируют совершенно иной, альтернативный подход к управлению полиэтническими, мультиконфессиональными, мультинациональными человеческими группами [15, с. 441].

С одной стороны, империя - суть претензия к политической вечности (*aeternitas imperii*), и хотя конкретно-исторические империи конечны, имперская идея развивается в тренде социального процесса.

С другой стороны, империя есть пограничная линия между пассионарным подъёмом и субпассионарным спадом, то есть она есть форма инерционного существования социума.

И вместе с тем, создать империю порядка – самое сложное, что может быть в социальной реальности.

Литература:

1. *Энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона. Терра. 1991. Т. 25. С. 13-14.*
2. *Коровин В.М. Третья мировая сетевая война: Питер; Санкт-Петербург; 2014.*
3. *Шилз Э. Общества и общество: макросоциологический подход // Американская социология. – М., 1972.*
4. *Рогов И.И. Проблема анализа номадических империй методами сравнительной политологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. I. С. 164-168.*
5. *Шмитт К. Понятие политического: Сборник / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца, А.Ф. Филиппова, А.П. Шурбелева. — СПб.: Наука, 2016.*
6. *Тойнби А. Дж. Исследование истории: возникновение, рост и распад цивилизаций / Арнольд Дж. Тойнби; [пер. с англ. К. Я. Кожурина]. - Москва: Изд-во АСТ: Астрель, 2012.*

7. Гиббон Э. *История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: В 7 т. Т. 1 / Пер. с англ.* — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2008.
8. Моммзен Т. *История Рима [Текст] / Теодор Моммзен.* - Москва: Эксмо, 2010.
9. Филиппов А.Ф. *Наблюдатель империи (империя как понятие социологии и политическая проблема) // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 89-120.*
10. Эйзенштадт Ш. *Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций.* — М.: Аспект-Пресс, 1999.
11. Тойнби А. Дж. *Постижение истории = A study of history: избранное / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. Е. Д. Жаркова; под ред. В. И. Уколовой и Д. Э. Харитоновича.* - Москва: Айрис-пресс, 2010.
12. Цымбурский В.Л. *Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993-2006.* – М. РОССПЭН 2007. С. 420.
13. Бабурин С.Н. *Мир империй: территория государства и мировой порядок.* – М, Магистр Инфра М. 2010. С. 143.
14. Дергачев В.А. *ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК.* — Одесса: ИПРЭИ НАНУ, 2004.
15. Рогов И.И. *Теория империологии.* – М.: Книжный мир, 2017.

Literature:

1. *Brockhaus-Efron encyclopedic dictionary. Terra. 1991. Vol. 25. P. 13-14.*
2. *Korovin V.M. World War III Network War: Peter; St. Petersburg; 2014.*
3. *Shils E. Society, and society: a macrosociological approach // the American sociology.* – М., 1972.
4. *Rogov I. I. the Problem of analysis of nomadic empires by methods of comparative political science // Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history. Theory and practice. Tambov: Gramota, 2011. № 8 (14): in 4 h. CH. I. S. 164-168.*
5. *Schmitt, K. the concept of the political: a Collection / Ed. with it. Y. Y. Korinets, A. Filippov, A. P. Shuraleva.* — SPb.: Science, 2016.
6. *A. J. Toynbee. The study of history: the emergence, growth and disintegration of civilizations / Arnold J. Toynbee; [lane with persistent. K. I. Kozhurina].* - Moscow: Publishing house AST: Astrel, 2012.
7. *Gibbon E. the History of the decline and destruction of the great Roman Empire: the Decline and fall of the Roman Empire: 7 vol. 1 / TRANS.* — М.: ТЕРРА — Book club, 2008.
8. *Mommsen, T. History Of Rome [Text] / Theodor Mommsen.* - Moscow: Eksmo, 2010.
9. *Filippov A.F. The observer of an empire (empire as a concept of sociology and a political problem) // Questions of sociology. 1992. Т. 1. No. 1. S. 89-120.*

10. Eisenstadt S. *Revolution and transformation of societies: a Comparative study of civilizations.* — M.: Aspect-Press, 1999.
11. A. J. Toynbee. *Comprehension of history = A study of history: favorites / A. J. Toynbee, translated from English. Zharkova E. D.; ed. by V. I. Ukolova and the D. E. Kharitonovich.* - Moscow: iris-press, 2010.
12. Tsymbursky, V. L. *The Island Of Russia. Geopolitical and chronopolitical works. 1993-2006. M. ROSSPEN 2007. P. 420.*
13. Baburin S. N. *World of empires: the territory of the state and the world order.* – M, Master Infra-M. 2010. P. 143.
14. Dergachev, V. A., *geo-economic DICTIONARY.* — Odessa: IPAEI national Academy of Sciences, 2004.
15. Rogov I.I. *Theory of Imperiology.* - M.: Book World, 2017.